

СПИСОК ТРУДОВ С. А. КАУФМАН
В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЫ

1. Архитектура эгейского мира. 15 авт. л., М., 1940 (рукопись).
2. Архитектура эгейского мира. В кн.: «Всеобщая история архитектуры», I, М., 1939.
3. Об уступчатых склепах Боспора, «Сообщения Института истории и теории архитектуры», вып. 6, М., 1947, стр. 1—32.
4. Раннеиталийская архитектура. 27 авт. л., М., 1947 (рукопись).
5. Главы «Архитектура этрусков» и «Архитектура Римской республики» во II книге т. II «Всеобщей истории архитектуры», М., 1948.
6. Витрувий и раннеримская архитектура. 2,5 авт. л. (рукопись).
7. Главы «Архитектура древнего Двуречья», «Архитектура эгейского мира», «Архитектура Рима» в «Кратком курсе всеобщей истории архитектуры», Литографированное издание, М., 1952.
8. Позднеантичные города на территории Югославии (рукопись).
9. О значении строительства в ранней истории арабских народов (Южная Аравия). 1,5 л. (рукопись).
10. Архитектура Сирии в древности, сб. «Современная Сирия», М., 1958, стр. 236—243.
11. Арабы в Сирии до ислама, ВДИ, 1958, № 2, стр. 209—221.
12. Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии, ВДИ, 1960, № 4, стр. 170—183.
13. О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими, ВВ, XX, 1961, стр. 184—224.
14. Рец. на книгу А. J. Festugière, *Antiquité païenne et chrétienne*, Р., 1959 — ВВ, XX, 1961, стр. 267—278.
15. Вилла доброй судьбы в Олинфе, «Вопросы всеобщей истории архитектуры», № 1, М., 1961, стр. 75—112.
16. Архитектура древнеарабского народа набатеев, «Вопросы всеобщей истории архитектуры», № 1, М., 1961, стр. 113—204.
17. Искусство древней Эфиопии, сб. «Искусство Африки», М., 1966.
18. О некоторых особенностях архитектуры в Северной Африке римского времени, сб. «Искусство Африки», М., 1966.

Л. А. Ельницкий

ПАМЯТИ ЯКОВА ЭММАНУИЛОВИЧА ГОЛОСОВКЕРА (1890—1967)

20 июля 1967 г. умер Яков Эммануилович Голосовкер, знаток и исследователь античной культуры, автор многих переводов из эллинской и римской поэзии.

Он родился в 1890 г. в семье киевского хирурга. Классическая гимназия и историко-филологический факультет Киевского университета, где преподавали в ту пору А. И. Сонни, В. П. Клиnger, А. Н. Гиляров, дали ему надежную базу для углубления в античную литературу и философию. В 1913 г. на страницах журнала «Гермес» появляются первые переводы Якова Эммануиловича из античных поэтов. В 1922—1923 гг. он совершил поездку в Германию, чтобы впитать в себя достижения немецкой классической филологии. Возвратившись он начал читать лекционные курсы (по истории и теории греческой литературы, античной эстетики и философии — в Брюсовском институте, 2-м МГУ и др.), много переводил с греческого и замыслил синтетический труд, где должна была быть раскрыта загадка эллинского строя мышления.

Он был в расцвете творческих сил, когда во второй половине 30-х годов огонь уничтожил его важнейшие рукописи. И в 1943 г. — тоже от огня — гибнет библиотека и архив Якова Эммануиловича. За несколько десятилетий он опубликовал лишь несколько сравнительно небольших по объему работ.

Если жизнь Якова Эммануиловича сложилась как жизнь несвершений, то причина этому не в одних только злополучных стечениях обстоятельств, материальных невзгодах или упрямстве издательского начальства, не желавшего принимать всерьез этого белобородого патриарха с по-детски увлеченной и совсем не по-детски усложненной речью. Яков Эммануилович сложился как ученый, всем своим существом отрицавший воспитавшую его «классическую» науку. Он работал в мире классической филологии и пересматривал, отвергал и уничтожал те принципы, на которых воздвигали эту науку его учителя и учителя его учителей. Осуществить переворот было ему не под силу — но он обладал тем редким слухом, который позволял за привычно-однообразным скрипением тысяч автоматических перьев уловить назревающий шелест листьев Додонского дуба.

Пожалуй, ни одна из областей науки о древности не разработала свою методикку до такой степени совершенства, как классическая филология: логика сопоставлений и противопоставлений, восполнение лакун и объяснение грамматических конструкций, требование полноты привлечения источников и возможность осуществления этого требования — все это придавало классической филологии почти математическую строгость; недаром немецкие статистики конца прошлого века уверяли, что классическая гимназия лучше готовит техников, нежели реальная. И тем не менее оказалось, что эта логическая игра ведет к расчленению объекта науки на бесчисленное количество отдельных частных связей, не ставя перед собой задачи воссоздания целостного образа человека и человеческого общества в древнем мире. Самостоятельное бытие обретало толкование каждого отдельного слова Гомера, Геродота, Платона — но миллионы сохранившихся от древности слов не сплетались в единую картину.

Тяга к этому целостному воспроизведению прошлого и составляла суть поисков Я. Э. Голосовкера. Поисков, в ходе которых он пришел к убеждению в невозможности путем серии логико-систематизирующих операций проникнуть в святая святых древнего общества. «Гений систематизации, — писал он в одном из набросков, — конечно, тоже гений, но воздвигая вавилонскую башню систематики, гений систематизации вовсе не знал, что это дело завершится вавилонским столпотворением систем философии». Порядок, заявлял он, идеал аптекаря, а не исследователя, исследователь же наделен дивной способностью воспринимать мир «в его бесконечной динамической глубине», в его противоречивой сложности и целостности.

Так в упорядоченную систему классической филологии внедрялась фантазия — не как средство развлекательности и забавы, но как инструмент познания. Именно этот принцип лежит в основе книги «Сказания о титанах», выпущенной по иронии судьбы Детгизом: ученый смело экстраполирует, воссоздавая им антитезу двух миров — титанов и олимпийских богов — далеко не в каждом слове может быть обоснована ссылкой на бесспорные свидетельства источников, но зато мифологический мир греков обретает ту жизненную силу, ту диалектику, которая начисто вымыта из бесчисленных классификационных пособий и систематизированных пересказов эллинистических легенд и преданий.

В автобиографии Яков Эммануилович писал: «Античность не была для меня дверью, замыкающей меня в мире классической филологии. Она всегда была для меня верхней ступенью путем для постижения самых сложных загадок жизни и культуры и особенно законов искусства и мысли... Я всегда старался удалить от глаз читателя филологическую кухню, предъявляя ему только смысл и образ античности, как явлений вечно живых и волнующих душу моих современников... [Античность] стала для меня не только колодезем, из которого я вытягивал мои ведра с живой водой, не только моим путем в литературу, но и преддверием к моему последнему творческому синтезу...». (Яков Эммануилович имел в виду оставленный им в рукописи философский труд о роли воображения в развитии культуры, о логике античного мифа.)

Яков Эммануилович с университетских лет занимался античной философией. Но как показательно, что для него этот интерес к философии вылился не в анализ той или иной из логических систем — будь то Платонова, Аристотелева или какая-нибудь иная. Начав с философии, он ушел и неминуемо должен был уйти в мифологию: греческая мысль для него по преимуществу мифологическая мысль, и сущность мышления древних эллинов он называет имажинативным реализмом, способностью создать символ, образ (порой фантастический), удивительным способом улавливающий и передающий черты действительности. Одним воображением, без лабораторий, без техники греки в своих символах и в мифологических образах предугадывали истину.

Над этим стоит задуматься. Действительно, не модернизировала ли наука XIX в. образ грека, не слишком ли далеко зашел процесс его «посмертной» рационализации? Может быть, и в самом деле гениальное предвидение эллинов было вызвано к жизни не силой их логических конструкций, но образностью, символичностью, мифологичностью их мышления, что позволяло им дерзко перешагивать через грани известного и с помощью воображения (я бы сказал, интуиции) воссоздавать картину мира более подлинную, чем это было бы возможно силою доступных им средств систематического познания.

И любопытно, с каким интересом тянулся Яков Эммануилович всю жизнь к немецкому поэту Гельдерлину: переводил его, писал о нем. Не потому только, что этот великий и у нас почти вовсе не известный художник (которого Стефан Цвейг ставил вровень с Гете) был страстно влюблен в Элладу, но в гораздо большей степени потому, что редко какой поэт достигал подобной высоты в той магии воображения, в том имажинативном реализме, который был у Я. Э. Голосовкера одновременно и объектом и средством исследования.

Яков Эммануилович был не только историком литературы, знатоком русской и зарубежной культуры (свидетельство тому опубликованная небольшая работа о Достоевском и Канте), но и сам был литератором. Он писал в стихах и прозе, переводил, и прежде всего греческих и латинских поэтов-лириков. Эти переводы составили сборник, вышедший двумя изданиями. (Яков Эммануилович переводил и с немецкого — в издательстве «Academia» вышла «Смерть Эмпедокла» Гельдерлина, в планах издательства значились подготовленные к печати комментированные переводы «Гипериона» того же автора и «Так говорил Заратустра» Ницше.) Для составленной Яковом Эммануиловичем большой Антологии русских переводов античной лирики специально переводили современные русские поэты (Б. Пастернак, И. Сельвинский, А. Тарковский и другие), а многое сделано им самим, и в том числе те стихи греческих лириков, которые совсем недавно стали известными по Оксиринским папирусам (Сафо, Алкей, Коринна, Симонид Кеосский). Характеризуя этот уникальный труд, включивший в себя более 2 тыс. стихотворений 135 авторов в переводах 84 поэтов, покойный А. И. Белецкий, писал о «литературно-культурном подвиге» Я. Э. Голосовкера. Антология сопровождала статьи (одна из них о принципах перевода, основанных на новой теории благозвучия и чтения эллинского метрического стиха, направленных против буква-

лизма подстрочного перевода слов, а не их смысла) и большой словарь-комментарий. Но нужно ли здесь еще раз говорить о полноте подбора, о критическом изучении, о громадном труде и эрудиции? Надо надеяться, что Антология увидит свет, как и другие труды Якова Эммануиловича Голосовкера, которые еще ожидают должной оценки.

А. П. Каждан

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Я. Э. ГОЛОСОВКЕРА

1. Фридрих Г е л ь д е р л и н, Смерть Эмпедокла, трагедия, предисловие А. В. Луначарского, пер. Я. Голосовкера, М.—Л., «Academia», 1931, 135 стр. [К книге приложен комментарий Я. Э. Голосовкера, состоящий из предварения и трех статей: «Эмпедокл из Агригента», «Зарождение темы», «К истории текста».]
2. Лирика древней Эллады в переводах русских поэтов, собрал и комментировал Я. Голосовкер, М.—Л., «Academia», 1935, 242 стр.
3. Г о р а ц и й, Избранные оды, составление, общая редакция и комментарии Я. Голосовкера, М., ГИХЛ, 1948, 142 стр.
4. Поэты-лирики древней Эллады и Рима в переводах Я. Голосовкера, М., ГИХЛ, 1955, 199 стр.; 2-е изд., 1963, 239 стр.
5. Сказания о титанах, М., Детгиз, 1955, 279, стр.; 2-е изд., 1957, 288 стр.
6. Сказание о кентавре Хироне, М., Детгиз, 1961, 128 стр.
7. Поэтика и эстетика Гельдерлина, «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 6, стр. 163—176.
8. Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». Изд-во АН СССР, М., 1963, 101 стр.